

К 75-летию пионера
авиаплавателя Н. З. Цюлковского

Моя жизнь

и один не оставил места. На меня донесли директору народных училищ. Вызвали в Калугу. Косяк отрезали.

С УДВОЕННОЙ ЭНЕРГИЕЙ

1917 ГОД. Революция встретила радостью, с надеждой. Училища были преобразованы, и я попал в трудовую советскую школу преподавателем физики. Меня очень угнетало отсутствие отметок, экзаменов, братские отношения с учениками.

Потом мне предложали преподавание астрономии и химии, за что я охотно согласился. Некоторое время читал лекции в Народном университете. Но старость, болезнь и глухота взяли свое, и я принужден был в 20-м году оставить училище. Советское правительство в току времени выдало мне академический паек, потом назначило пенсию. В тяжелые промежуточные эпохи Освобождения и Циклосу.

Оставив училище, я продолжал работать с удвоенной энергией и много за это время трудился над межклассическим преподаванием и реактивными приборами.

5 сентября 1857 года родился я, новый гражданин Вселенной, Константин Цюлковский.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

СТ СДНОГО ДО ТРЕХ ЛЕТ. Великан ведет меня за руку. Мы спускаемся по лестнице в претинки. И со страхом поглядываю на великана. Думаю, что это был мой отец...

ОТ 3 ДО 4 ЛЕТ. Матери провозят письмо. Узер мой дагушка, ее отец. Мать рыдает. Я, глядя на нее, начинаю рыдать. Моя шепакает и кладет спать...

Смотрю, как пивет отец. Нахожу, что это очень просто, и обляваю все, что писать я умею.

5—6 ЛЕТ. Не помню, кто мне показала буквы. За изучение каждой буквы от матери я получал копейку...

Игрушки тележки на колесах, потому что от малейшего усилия приподняла в движение...

Игрушки были недорогие, но

я обязательно их ломал, чтобы посмотреть, что было внутри их.

7—8 ЛЕТ. Попалась сказка Афанасьева. Начал разбирать их, заинтересовался и так выучился, что стал бегло читать... Была корь. Чувствовал восторг при выздоровлении...

7—8 ЛЕТ. Бабушка умерла. Мать уезжает в деревню на покороны. Мы остаемся одни. Скука...

Старший брат меня дразнит. Гоняюсь за ним и швыряю камнями. Стучится отец. Что такое? — Попал мне в волос, — говорит Митя. Выпорол. Дали 2 рожи, зо пребольно. Рогов этих я боялся как огня, хотя никогда не получал больше 2-х ударов.

Итудования не только против матери, но и против отца не оставалось ни малейшего.

Учение было туго и мучительно, хотя я и был способнее братьев. Занимался с ними мать. Отец тоже делал попытки, но был очень горяч и портил тем дело.

Если надо на маленькой гривельной дожде выписать строенку-две, даже тошнит от напряжения. Зато когда кончашь это мучение, какое удовольствие чувствуешь от свободы.

Читать я страстно любил и читал все, что было и что можно было достать.

МЕЧТАЛ, МАСТЕРИЛ...

Любил мечтать и даже плазал младшему брату, чтобы он слушал мои бредни. Мы были маленькими, и мне хотелось, чтобы дома, люди и все живущее было маленькое. Потом я мечтал о физической силе. Я мысленно высоко прыгал, выбирался, как кошка, на шесты и по веревкам. Мечтал о полном отсутствии тяжестий.

Любил лезть на заборы, крыши и деревья. Прыгал с забора, чтобы полететь. Запускал змей и отправлял на высоту коробочку с тараканом...

9—11 ЛЕТ. Заболел сварзательной. Оглох. Слух не восстано-

вливался. Была страсть к мастерству, к художеству. Делал кукольные коньки, часы, домики. Старшие братья к этому были еще способнее.

11—15 ЛЕТ. Делал ветряные мельницы, тележки, товарные станки, автомобили, лодки, изососы и другие машины. Кто-то из знакомых отдал мне курс физики. Воображение разыгралось. Читанное я хотел проверить и осуществить. Однако, что я не делал, большую часть было результатом чтения.

1879—1917 ГГ. Читал книги, работал руками. Давал уроки математики и порядочно зарабатывал. Переехал в другой город, где меня никто не знал. Уроков не было. Пришлось держаться экзамена на учителя математики.

На 22-м году жизни получил место учителя арифметики и геометрии в уездном училище. Через 12 лет был переведен на ту же должность в Калугу. В 1898 году предложил преподавать физику в женском Епархиальном училище. Давал уроки и в других учебных заведениях. Отказался от всего отчисления с учениками и ученицами. В силу глухоты держался больше лекционного метода. Справляться не любил, потому что трудно было слушать. Кроме того ответы слабых расстраивали мне нервы.

Отметки ставил щедро.

В казенной реальной училище было ужасное отношение к ученикам. Так, в первом классе в двух отделениях было около сотни учеников, а до 5-го класса доходило только сестеро.

В начале службы в уездном городе я вдувал философствовать

Н. З. Цюлковский с внуками.

*Конст. Здуард. Цюлковский
для Пионерской Правды
1932. 14 авг.*

Моя жизнь

5 сентября 1857 года родился я, новый гражданин вселенной, Константин Циолковский.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

От одного до трех лет. Великан ведет меня за руку. Мы спускаемся по лестнице в цветники. Я со страхом поглядываю на великана. Думаю, что это был мой отец...

От 3 до 4 лет. Матери привосат письмо. Умер мой дедушка, ее отец. Мать рыдает. Я, глядя на нее, начинаю реветь. Меня шлепают и кладут спать.

Смотрю, как пишет отец. Накожу, что это очень просто, и объявляю всем, что писать я умею.

5—6 лет. Не помню, кто мне показал буквы. За изучение каждой буквы от матери я получал копейку...

Изумляла тележка на колесах, потому что от малейшего усилия приходила в движение...

Игрушки были дорогие, но я обязательно их ломал, чтобы посмотреть, что было внутри их.

7—8 лет. Попались сказки Афанасьева. Начал разбирать их, заинтересовался и так выучился, что стал бегло читать... Была восторг. Чувствовал восторг при выдохоревлении.

7—8 лет. Бабушка умерла. Мать уезжает в деревню на похороны. Мы остаемся одни. Скучаем...

Старший брат меня дразнит. Гоняюсь за ним и швыряю камнями. Стучится отец.

«Что такое?» «Попал мне в висок». — говорит Митя. Выпороли. Дали две розги, но пребольно. Розог этих я боялся, как огня, хотя никогда не получал больше двух ударов.

Учение было туго и мучительно, хотя я и был способнее братьев. Занималась с нами мать. Отец тоже делал попытки, но был очень горяч и портил тем дело. Если надо на маленькой грифельной доске написать страничку — две, даже тошнит от напряжения. Зато, когда кончишь это мучение, какое удовольствие чувствуешь от свободы!

Читать я страстно любил и читал все, что было, и все, что можно было достать.

МЕЧТАЛ, МАСТЕРИЛ...

Любил мечтать и даже платил младшему брату, чтобы он слушал мои бредни. Мы были маленькие, и мне хотелось, чтобы дома, люди и все живущее было маленькое. Потом я мечтал о физической силе. Я мысленно высоко прыгал, взбирался, как кошка, на шести и по веревкам. Мечтал о полном отсутствии тяжести.

Любил лазить на заборы, крыши и деревья. Прыгал с забора, чтобы полететь. Запускал змея и отправлял на высоту корбочку с тараканом...

9—11 лет. Заболел скарлатиной. Отдох. Слух не восстанавливался. Была страсть к мастерству, к художеству. Делал кукольные коньки, часы, домики. Старшие братья к этому были еще способнее.

11—15 лет. Делал ветряные мельницы, тележки, токарные станки, автомобили, лодки, насосы и другие машины. Кто-то из знакомых отца дал мне курс физики. Воображение разыгралось. Читалное и хотел проверить и осуществить. Однако, что я ни делал, большею частью было результатом чтения.

1879—1891 гг. Читал книги, работал руками. Давал уроки математики. Переехал в другой город, где меня никто не знал. Уроков не было. Пришлось держаться экзамен на учителя математики.

На 22-м году жизни получил место учителя арифметики и геометрии в уездном училище. Через 12 лет был переведен на ту же должность в Калугу. В 1898 году предложили преподавать физику в женском епархиальном училище. Давал уроки и в других учебных заведениях. Старался иметь хорошие отношения с учениками и ученицами. В силу глухоты держался больше лекционного метода. Справивать не любил,

потому что трудно было слушать. Кроме того, ответы слабых расстраивали мне нервы.

Отметки ставил щедро.

В казенном реальном училище было ужасное отношение к ученикам. Так, в 1-м классе в двух отделениях было около сотни учащихся, а до 5-го класса доходило только четверо.

В начале службы в уездном городе я вдумал философствовать и едва не лишился места. На меня доносили директору народных училищ. Вызвали в Калугу. Как-как отвертелся.

С УДВОЕННОЙ ЭНЕРГИЕЙ

1917 год. Революцию встретил радостно, с надеждами. Училища были преобразованы, и я попал в трудовую советскую школу преподавателем физики. Меня это очень обрадовало.

Потом мне предложили преподавание астрономии и химии, за что я охотно взялся. Некоторое время читал лекции в Народном университете. Но старость, бедность и глухота взяли свое, и я принужден был в 20-м году оставить училище. Советское правительство к тому времени выдало мне академический паек, потом назначило пенсию.

Оставив училище, я продолжал работать с удвоенной энергией и много за это время трудился над межкосмическим дирижаблем и реактивными приборами.

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ.

(Написано

для «Пионерской правды»
14 октября 1932 г.)

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ.